

Папанов А.

25/2 89

«ХОЧЕТСЯ ПОЖИТЬ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ...»

Судьба редко бывает великодушна к актерам, даря напоследок роль-итог, роль-завещание. На подступах к Разину ушел из жизни Василий Шукшин. Не доиграв роли, упал на сцене Андрей Миронов. Не успел поставить точку в своей киносбиографии Олег Даль. После капитана Жеглова ждали «главной» роли от Владимира Высоцкого... Как ни покажется кощунственно неловким этот оборот, но Анатолию Папанову повезло: он успел закончить работу в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего...» и даже сказать с экрана пусть не самые громкие, но такие сокровенные и важные слова. Никогда не забуду финал фильма, вернее, его трагический постскриптум: усталая, мешковатая фигура Папанова в черной рамке и короткий, обжигающий душу монолог: «Об одном жалею... Годы... Так хочется пожить по-человечески. И работать». Сказано это было от имени персонажа, но с такой силой затанной горечи, что прозвучало как от собственного лица. Словно стояло за спиной предчувствие, что и пожить уже не удастся при новых временах, и поработать власть не доведется...

Хотя чего-чего, а уж работы на его век досталось немало. Ведущий актер Театра сатиры, имевший отношение едва ли не ко всему репертуару, он долгие годы снимался в кино за счет выходных, отпусков, в редких промежутках между спектаклями. Помню, мой коллега, вернувшись однажды с Черноморского побережья, с изумлением рассказывал, как жадно, ненасытно бросался в морские воды Анатолий Дмитриевич, отмеривая то брасом, то саженьками бесконечные мили. Но не потому, что был этаким водолюбивым гурманом, «закаленным» на хлорированных бассейнах... Нет, дорвавшись в кои веки до моря, он с натугой, через «не могу» заряжал себя здоровьем впрок, зная, что в круговороте московских забот продыху не будет. Да и то сказать: всякий ли, даже очень интенсивно работающий актер, может похвастаться тем, что сыграл более 150 ролей в театре и кино. И не просто сыграл, добавив от себя, но продемонстрировал широчайшую амплитуду возможностей.

Существует такой удобный критический штамп: когда хотят похвалить актера, говорят: он не играет, а живет на сцене (или на экране, что уж в данный момент нужно). Не знаю, кому как, но мне за этим чудится оправдание некой унылой пресыщенности, сплошь и рядом царящей в кино и театре, признание — пусть и косвенное — того, что виртуозов отточенной актерской техники, мастеров перевоплощения у нас — редкие единицы. Анатолий Папанов — из их числа. Он именно играет, опарашивая напором сиюминутных придумок, острой рисунка, легкостью перехода от слез к смеху. У Папанова почти нет ролей

приземленно бытовых, вяло жизнеподобных, оснащенных расхожими жестами, узнаваемой кухонной скороговоркой. Он всегда помнил, так во всяком случае кажется по сыгранным ролям, что кино и тем более театр — это не засиженное мухами мутное зеркало, а увеличительное стекло, мощно укрупняющее людей, события, жизнь. И когда в фокус актерского внимания попадал какой-нибудь мелкий проходимец, мерзавчик, то уж у Папанова он вырастал в явление — в Прохиндея и Мерзавца с большой буквы. И сделано это, всегда бывало виртуозно, смешно, с «солью и перцем», недаром Анатолий Дмитриевич говаривал, что любит в жизни и творчестве все «острогастрономическое»...

Ну вот, к примеру, помните фильм «Берегись автомобиля», в котором Папанов сыграл некоего пенсионера-отставника в начальственных галфе и тапочках на босу ногу? Этот мелкий спекулянт, ладящий с законом, тоскует по трибуне и благодарной пастве, не в силах унять страсть к нотациям и лозунгам. Вот он и обрушивает весь пыл своего лицемерного красноречия на зятя-жулика, пользуясь в то же время без зазрения совести его «левыми» доходами. Этот «идейный спекулянт» сыгран Папановым с таким комедийным размахом, с такой степенью гротескного преувеличения, что, пересматривая фильм сегодня, двадцать с лишним лет спустя, понимаешь: перед тобой сатюра не на мелкого рыночного воротилу, а на некоего трубадура застоя, живущего на ворованное и привычно глаголящего об «идейном». Благо недавняя практика дала шедрую возможность сравнить экранный персонаж с жизненными прототипами...

А как не вспомнить размашистый, словно пощечина, рисунок папановской роли в фильме «Дайте жалобную книгу»? Этот ресторанный хам, не брезгающий обмерами, обвесами, обедками с чужого стола, — не есть ли он духовный предтеча современной торговой мафии...

А «Бриллиантовая рука» — эта, как казалось еще недавно, безгрешная пародия на западные гангстерские фильмы? Знал ли режиссер Л. Гайдай два десятка лет назад, что валютные контрабандисты и валютные же проститутки — это

ЭТИ СЛОВА ПРОИЗНЕС В СВОЕЙ ПОСЛЕДНЕЙ КИНОРОЛИ АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ. СЕГОДНЯ ВЫ ВНОВЬ ВСТРЕТИТЕСЬ С НИМ. ФИЛЬМОМ «БЕЛОРУССКИЙ ВОКЗАЛ» ЦТ ЗАВЕРШАЕТ ПОКАЗ ЛЕНТ С УЧАСТИЕМ ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМОГО МАСТЕРА.

не только родовые пятна «загнивающего капитализма», но и явление вполне доморощенное, с отечественной пропиской? Когда я смотрю на звероватого Лелика в исполнении Папанова, мрачно сыплющего направо и налево бессмертные афоризмы типа «На чужой счет пьют и трезвенники и язвенники» или столь же изысканное «По утрам пьют шампанское или аристократы, или дегенераты», — верю, что знал...

Но то роли комедийные, сатирические, скажет кинозритель со стажем. Здесь, мол, эквилибристика, клоунада, артистический шарм входят в условия игры. А вот в работах, с так сказать, позитивным потенциалом не больно-то разгуляешься.

Но в том-то и дело, хочется ответить мне, что, играя и людей симпатичных, передовиков труда, Папанов нередко столь же чрезмерен, избыточен, «сюрреалистичен», что и в ролях фарсовых. Ибо его герои, будь то Иван из одноименного фильма, или Владимир Дмитриевич из «Времени желаний», или стареющий летчик из фильма «Разрешите взлет!», или Копалыч из уже упоминавшегося «Холодного лета...», не просто добры, великодушны, деликатны, но добры, великодушны, деликатны в превосходной степени. Это, если угодно, рыцари чести, достоинства, совести, хотя они порой бывают смешны и нелепы.

Каждый комик, гласит известная истина, мечтает сыграть Гамлета. Что ж, судьба одарила Папанова несметным количеством ролей «хороших и разных», в том числе и драматического плана, но вот принца датского воплотить не довелось. И все же, думаю, актер сыграл «своего Гамлета» — имею в виду не конкретный образ, а некий символ драматической, трагедийной роли. Тот, кто видел фильмы «Живые и мертвые», «Возмездие», вряд ли смогут забыть генерала Серпилина — высшее творческое достижение актера. Не случайно Константин Симонов — не только прекрасный писатель, но и весьма искусственный кинематографист, — увидев Папанова в этой роли, иного героя впоследствии представить уже не мог.

Неброское мужество. Достоинство и порядочность истинно русского интеллигента. Не-

стигаемая воля, соединенная с удивительной сердечностью... Таким остался в моей памяти комбриг Федор Серпилин в скупом, предельно лаконичном и глубококом воплощении Папанова. Среди хаоса, жертв, крови и грязи первых месяцев войны, среди отчаяния, слухов, паники он высится в фильме, словно седой утес, на смерть вросший в береговую твердь.

Откуда у комедийного актера столько сдержанной внутренней силы? Как добился он этой скульптурной лепки образа? Где почерпнул живые подробности военного быта? Помню, эти вопросы рождались поневоле у всех, кто потрясенно и просветленно выходил с первых просмотров фильма. А ведь никакого чуда не было. Везения не было. Волшебного наития не было. А была война, которая обожгла, тяжело опалила Толю Папанова в самые первые кровавые месяцы. И этого горького знания ему хватило на всю жизнь.

«Иногда человеку кажется», — писал Константин Симонов, — что война не оставляет на нем неизгладимых следов, но если он действительно человек, то это ему только кажется». Кошмарный быт кровавой военной страды, тяжелое ранение в ногу, горькая одиссея по госпиталям, инвалидность третьей группы в молодые годы — таким был счет Папанова к войне. И потому не было никакой неожиданности ни в гениально сыгранной им роли Серпилина, ни в постоянно звучащей в его творчестве теме святости фронтного братства, нашедшей столь притягательное воплощение в фильме «Белорусский вокзал», которым сегодня завершается ретроспектива фильмов с участием Папанова.

Говорят, поэты похожи на свои стихи. Что ж, Папанов похож на свои роли. Он не навидел зло, приспособленчество, лизоблюдство — и боролся с ними с безоглядной удачей. Он любил людей честных и искренних — и отдавал таким героям кровь, кожу, собственное дыхание. Безусловно деликатный, нетребовательный в смысле бытовых удобств (под стать многим своим чудаковатым героям), он был бескомпромиссен в творчестве, в деле. Народный артист СССР Георгий Менглет, знавший своего коллегу и друга на протяжении трех десятилетий, недавно вспоминал: «Папанов не был актером-эгоистом. Но своего не отдавал. Когда наступал его час, когда доходило до «генерального куска», тут уж держись, не мешайся под ногами, уступи. И это было понятно. Актеру такого размаха требовался передний край». И еще: «Я никогда не забуду папановский взгляд. Он смотрел в глаза и никак иначе. Он не боялся встретиться с глазами собеседника, потому что говорил правду, не умел кривить душой».

И таким останется в народной памяти.
Леонид ПАВЛЮЧИК.
Фото Е. УСПЕНСКОГО.

Комсе. правда - 1989 - 25 февр.